

МАРИНА НОВИКОВА

Фоносемантический аспект коннотации

Под коннотацией, вслед за В.Н. Телия, понимается "семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект"; "коннотация [...] состоит из гетерогенных компонентов, подготавливающих экспрессивный эффект посредством отсылки к внутренней форме, интерпретируемой в данной лингвокультурной общности как квазистереотип, посредством личностно-прагматической интерпретации обозначаемого – его одобрения или неодобрения [...], а также посредством стилистической маркировки наименования [...]".

В качестве мотивирующего основания оценки не всегда выступает внутренняя форма слова. В ряде случаев ("абракадабра", "тяп-ляп", "драндулет" и т.д.) роль мотивирующего компонента выполняет звуко-символический фактор, который в большинстве своем семантизируется неопределенно, неоднозначно. Субъективно-оценочная модальность при этом связана с "экстравагантностью" внешней, звуковой формы слова, реализующей коннотативный смысл "нечто странное, несоответствующее принятому эталону, что «плохо»".

Слова подобного типа – принадлежность системы языка, поэтому при использовании их в эстетических целях звуко-символическая мотивировка не претерпевает изменений, а служит дополнительным основанием в ряду других для формирования эстетического значения слова. При эстетизации подобных слов важна прежде всего окказионально измененная сфера референции.

Например, если роскошный автомобиль назван "драндулетом", эстетический план значения только "попутно" связан со звуковой формой слова, так как актуализацию получает значение „«плохой» – из-

за пренебрежительного к нему отношения, а не из-за объективных причин".

Ироничность или шутливость создаются предикацией объекту несвойственных ему признаков; характеризуется, таким образом, не сам объект (как "плохой"), а называющий его субъект речи (как "ироничный"). Как видим, общезыковая фоносемантическая мотивировка нерелевантна для эстетического значения, т.к. в семантической структуре слова или в семной структуре его значения "сдвигов" эстетического характера, связанных со звуковым оформлением значения, не происходит.

Десемантизация смысла за счет заранее заданной актуализации звуковой формы слова может использоваться как эстетически значимый прием. Оказиональное формотворчество при этом направлено на нарочитую диффузность индивидуально-авторского значения, на расширение его прагматических возможностей. Невозможность однозначной (или хотя бы приблизительной, но ограниченной определенными "вербализованными" рамками) интерпретации выполняет в таких случаях ту же функцию, что и отсутствующее заглавие лирического произведения: автор как бы предоставляет читателю право самому осуществить акт номинации – в зависимости от специфики индивидуальной интерпретации образа.

Например, слово "фердидурка", использованное как заглавие романа В. Гомбровича, по словам его переводчика А. Ермонского, является "бессмыслицей" (ср.: "Но вот как «объяснить» сам роман? Или хотя бы только его название – «Фердидурка», – ведь такого слова ин в одном языке нет"; в сноске А. Ермонский отмечает: "Я рискнул приспособить к русскому уху эту бессмыслицу, которая по-польски звучит так: Фэрдыдуркэ"²).

Иначе обстоит дело, когда в пределах художественного текста эстетически актуализируются, синтезируясь, периферийные смыслы слов, сходных в звуковом отношении.

Наиболее простой и результативной моделью образования эстетического значения слова на основе звукосимволической актуализации является прием паронимической аттракции, который "представляет собой функционально-динамический процесс, приводящий к образованию дискретных лексико-семантических парадигматических структур"³. Не останавливаясь подробно на аспектах описания категорий паронимии и паронимической аттракции и связанных с ними вопросах, отметим важность теоретического положения о том, что преобразования в области звуковой формы слова направлены на эстетизацию его смысла. Речь здесь идет не о целенаправленном формотворчестве (как в случае с "фердидуркой"), а о "нагнетании" в определенном контексте слов со

сходным звуковым составом, а потому и воспринимаемым как семантически схожие, в результате чего возникает новое (индивидуально-авторское) значение.

Прием паронимической аттракции в большей степени характерен для стихотворной разновидности поэтического языка, в которой условия для формально-позиционной экспликации эстетического значения гораздо разнообразнее, чем в прозе, так как определяются жанровыми закономерностями. Приведем примеры:

"Здесь, меж вами: *домами*, деньгами, *дымами*, *дамами*, *думами* [...]" (М. Цветаева); "Лишь *пыль* глотала дождь в *пилюлях*, Железо в тихом порошке. *Селенье* не ждало *целенья*, Был *мак*, как *обморок*, глубок, и *рожь горела* в воспаленье, И в лихорадке бредил Бог" (Б. Пастернак); "Я над сумятицею чувств, над миром ссорящимся, нервным, *лечу*. Или, *верней, лечусь*, от всех земных болезней – небом" (Е. Евтушенко) и др.⁴

Чаще всего паронимические аттракции не являются первопричиной возникновения эстетического значения, а лишь сопутствуют процессу тропообразования, усиливая семантическую близость слов, обозначающих гетерогенные сущности. В этом легко убедиться, заменив один из аттрактантов синонимом с непохожим звуковым составом, например:

"Рука, *жало кинжала* стиснь!" (В. Маяковский).

Метафора "жало кинжала"⁵ образовалась предикацией кинжалу свойства пчелы или змеи на основе их формального ("острый конец") и функционального ("приспособленный к тому, чтобы доставлять болевые ощущения") подобия, причем, функциональный аспект при этом выдвигается на первый план: кинжал сжимают не за острие, поэтому "жало" – это не форма, а назначение кинжала. В результате тропоморфных преобразований "кинжалу" коннотируются субъективно-оценочные признаки негативного характера, стимулируемые внутренней формой слова "жало", ассоциирующегося с коннотативной семантикой слова "змея" ("пчела" и под.), которое в русской национально-культурной традиции связано с отрицательной оценкой, ср.: "она – настоящая змея" (в противном же случае – "и жало *мудрыя* змеи" (А.С. Пушкин) – нуждается в экстенциональной поддержке).

Паронимическая аттракция, как видим, только усиливает метафоризацию, но не определяет ее: если слово "кинжал" заменить любым словом из лексико-семантической группы "холодное оружие" ("кортик", "штык" "меч", "сабля" и т.д.), паронимически не связанным с "жалом" (например, "жало кортика"), то обнаружим, что механизм эстетизации смысла остался неизменным, а эстетическое значение (и его коннотативный элемент) утрачивает лишь отдельные прагматические потенции (направленность на экспрессивное восприятие).

Аналогично обстоит дело с паронимическими аттракциями, функционирующими в прозе (особенно "умеренного" типа). Отличие заключается в том, что аттрактанты в большей степени "разбросаны" по тексту, чем в стихотворном произведении, менее отчетливо, чем в поэзии, интерпретируются адресатами, имеют подчеркнуто вспомогательный, добавочный характер. Например:

"Золотая швея": "солнце", "золото", "волосы", "слабый", "белое", "платье", "полные", "светлом", "гладкий", полная", "большая" и т.д.

В данном примере из повести Ю.М. Нагибина *Перекур* перифрастическая метафора "золотая швея" семантически под-держивается словами, сходными в звуковом отношении со словом "золотой" и характеризующими референт метафоры. В тексте повести везде, где дается портрет героини (или отдельные фрагменты этого портрета), названной "золотой швеей", в функции характеризующих предикатов выступают слова, фоносемантически связанные с прилагательным "золотой". Постепенно в читательском восприятии складывается ассоциативная связь между метафорическим эпитетом и данными характеризующими предикатами, что прагматически "выпячивает" семантику слова "золотой". Но фоносемантическая близость аттрактантов и здесь не определяет механизм эстетического значения, а лишь фиксирует в сознании воспринимающих субъектов нужную автору ассоциативную связь.

Даже в тех случаях, когда прием паронимической аттракции сопровождается формопреобразованиями (созданием словообразовательных окказионализмов), звуковая "похожесть" слов – только усиливающий фактор, например:

"И овдовевшая в *ночи* вышла луна *одиначить*" (В. Маяковский). Здесь "экзотичность" окказионализма "одиначить", звукосемантически связанного со словом "ночь", – не менее значима для эстетического значения, чем метафоризация. Формотворчество позволяет "оживить" паронимические общезыковые связи аттрактантов (ср.: "ночь" – "одиначный" – „одиначество"), а паронимия, в свою очередь, способствует тропеизации.

Как видим, в тех случаях, когда тропеобразование подкрепляется паронимическими связями слов, коннотативный эстетический смысл связан не с собственно фоносемантикой, а с лексической семантикой, в том числе – и ее коннотативным компонентом. Экспрессивный эффект усиливается, но не за счет коннотации, ср.: "Врангель – враг" (В. Маяковский); эстетическое значение и экспрессивность не связаны с процессом вторичной номинации.

И лишь в незначительном меньшинстве случаев коннотативный компонент эстетического значения слова является следствием фоносемантизации, например:

"На земле зима, и дым огней бессилён Распрямить дома, полегшие вповал" (Б. Пастернак).

Для "чистоты" анализа рассмотрим только значение паронимической аттракции для формирования эстетического коннотативного смысла. Как видим, в результате звукоподобия семантически сблизилась слова "земля" и "зима", а это, в свою очередь, привело к "взаимообмену" коннотациями общезыкового характера: "на земле все замерло, застыло, как если бы перестало жить (ср. "весна жизни" – т.е. период, когда пробуждаются животворные силы), причем "зима" охватывает пространство достаточно большей протяженности (ср.: "на дворе зима", "в городе зима" и т.д.), что "плохо" – из-за всеобъемлющего и неизбежного в своей цикличности признака. Иначе говоря, "в данный момент на земле – «плохо», как если бы замерло, «заморозилось», как это бывает зимой".

Итак, суть процесса эстетизации общезыкового значения слова "зима" заключается в семантическом сближении на основе звукоподобия слов с одновременным взаимоконнотированием. Диффузность, "размытость" окказионального смысла, невозможность его однозначной интерпретации усиливает негативный характер оценки ("«плохо» – т.к. не ясно, зыбко и т.д."; ср.: "на земле – холодно", "на земле – все замерло, застыло", где мотив для оценки, причина ее более наглядны).

Таким образом, для эстетического коннотативного смысла звукосемантический фактор, как правило, не является релевантным. Фоносемантические преобразования сопутствуют процессу вторичной номинации, усиливая экспрессивность словесного образа, но достаточно редко сами являются причиной образования окказионального значения. Чаще всего, как показывают наблюдения, "эксплуатируется" общезыковая коннотативная модальность, которая – вместе с другими компонентами значения – предсказывается "не тому" денотату (интерпретируемая аномалия).

Как совершенно справедливо отмечает О.И. Северская, иллюстрируя одну из моделей паронимизации – "переосмысление за счет выделения омонем", – примером "Стремительный сплав мечты и теорий, [...] Ракета выходит на путь метеоров" (Коган), "поэтическая композиция (<метеор=, ме/чм/= + теор=> → метеор) делает возможным переосмысление значения слова "метеор" – "сплав мечты и теорий"⁶. Добавим, что в результате такого преобразования слову "метеор" предсказываются и несвойственные ему в узусе характеристики: с одной стороны, "метеор"

– это "мечта", что "хорошо", так как ассоциируется с творческой свободой (ср.: "полет мечты"), с другой стороны, "метеор" – это "теория", что "хорошо" уже по другой причине: из-на научной строгости, логичности и т.д. Наконец, "сплав" в "метеоре" двух данных сущностей усиливает положительный коннотативный потенциал: "хорошо" – во всех отношениях.

Необходимо также подчеркнуть, что все эти коннотативные характеристики переносятся и на "ракету", так как именно ракета – результат "сплава мечты и теорий". Этот достаточно очевидный в логико-семантическом отношении постулат не подкрепляется фоносемантическими средствами, которые формируют совмещение именно в "метеоре" данных признаков, поэтому – с точки зрения формальной (математической) логики – "метеор" уподобляется "ракете". Возникает имплицитная метафора "ракета – метеор" (если "а" равно "б", а "б" равно "с", то "а" равно "с").

Отметим, что приведенное "доказательство" названной поэтической "теоремы" не является единственно возможным, оно дополняет то, что выражено семантикой лексических единиц: раз ракета следует по пути метеора, то она – на основе этой общности "пути" – как бы сама становится метеором (в данном отношении). Сказанное еще раз свидетельствует о прагматической диффузности словесно-художественного образа.

Итак, коннотация как макрокомпонент семантики номинативных единиц связана с фоносемантическими факторами, как правило, опосредованно. В пределах художественного текста при целенаправленном означивании звуков возникает новый (эстетический) смысл, обрамленный коннотативной модальностью. Последняя может прагматически усиливаться в результате паронимизации. Однако такая зависимость не является регулярной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.Н. Телия, Коннотативный аспект семантики номинативных единиц, Москва 1986, с. 5, с. 143.

² В. Гомбрович, Фердиурка "Иностранная литература", 1991, № 1. Перевод с польского и вступительная статья А. Ермонского.

³ О.И. Северская, АКД, с. 5.

⁴ Примеры из указ. раб. О.И. Северской.

⁵ Ср. реализацию данной поэтической формулы в примере из повести Нагибина *Страницы жизни Трубникова*: "Трубников палил кнутом, порой жалил им задние ноги коров, чтобы поддать жару". Глагол "жалить", имеющий общеязыковое значение "ранить жалом, кусать", употреблен в настоящем контексте в значении "производить такое же действие, вызывать такие же ощущения, что и жало змеи, насекомого". Метафора основывается на замене орудия, производящего действие: семантика глагола "жалить"

содержит указание на способ действия, т.е. "с помощью жала, жалом". При метафоризации в структуру значения этого глагола включается компонент "с помощью кнута, кнутом". Индивидуализирующие возможности метафоры реализуются за счет четкого и однозначного указания на орудие действия в общезыковой семантике данного слова: "жалить" коров кнутом, таким образом, – это осуществлять такое действие (ударять), которое вызывает результаты (ощущения), аналогичные укусам змей, пчел и т.д. (т.е. резкую и мгновенную боль).

⁶ О.И. Северская, указ, раб., с. 12.